

Глава 10. Террор бессмысленный и беспощадный

*Идет охота на волков, идет охота —
На серых хищников, матерых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу — и пятна красные флажков.
Не на равных играют с волками
Егеря — но не дрогнет рука, —
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка.
В. Высоцкий. «Охота на волков»*

Плата за страх

Большой террор, или Великая чистка, 1937 год — уникальное событие в истории. Среди кровавых репрессий, случившихся в различных странах и направленных против незащитного населения страны, ни одна не может сравниться с ним по масштабу, жестокости и фарисейской изощренности. Никакой Навуходоносор, Чингисхан, Тамерлан, Пол Пот — никто не может сравниться со Сталиным в организации террора. Варфоломеевская ночь, Ночь длинных ножей, дикие выходки Ивана Грозного, Стрелецкие казни — мелкие дилетантские хулиганства по сравнению со сталинским террором. Можно еще вспомнить этнический геноцид: убийство полутора миллионов армян в течение нескольких дней — в Турции, в 1915 году и Холокост — истребление шести миллионов евреев в гитлеровских концлагерях. Последний пример по масштабу и жестокости убийств сопоставим со сталинской чисткой. Но надо подчеркнуть, что, несмотря на все зверства, ни в одном другом случае палачи не принуждали свои жертвы унижаться, признаваясь в преступлениях, которых они не совершали.

Число заключенных, репрессированных по политическим мотивам в сталинский период, достигает 4,5 миллионов человек. Из этого числа расстреляно около 800 тысяч человек. Никогда еще в мировой истории не было по политическим мотивам репрессировано такого большого количества людей. Из этого числа более половины приходится на двухлетний период 1937—1938 гг. Число казненных в течение этих двух лет в шесть раз больше, чем число жертв любых других лет советской истории. В дополнение к этим жертвам следует учесть: расстрелянных и казненных во время гражданской войны (не считая павших в бою) заложников, «классовых врагов», «саботажников»; раскулаченных и их «пособников»; потери первых месяцев Великой Отечественной войны и послевоенные репрессии тех, кто попал в плен по вине бездарного дипломата и полководца.

Впечатляют не только масштабы чистки в СССР, но и уровень репрессированных. Например, в Советском Союзе в то время было 11 союзных республик; соответственно, в них было 11 премьер-министров. Все 11 были ликвидированы; впрочем, двое из них — украинский и грузинский премьеры — успели застрелиться сами. Отмечается, что Сталин в это время сохранял полное хладнокровие. Как будто в одном человеке жили различные люди. Он был прост, приветлив, держал себя с большим достоинством при встречах с иностранцами.

Немногословен, точен и властен в разговорах со своими. Требовал подчинения и преданности. Уважал подготовленных, работоспособных, опытных специалистов. Порой он был внимательным, даже чутким человеком. Иногда — бесчеловечным и непримиримым.

В конце этого мрачного и страшного периода положение Сталина было твердым и стабильным. Он слыл отцом и вождем народа. Народ не отождествлял его с репрессиями. Как в XVI веке ругали бояр за зверства периода правлений Ивана Грозного, а позднее упрекали царских сановников, а не царя, так и Сталина никто не обвинял в репрессиях. Считалось, что он не знал о преступлениях, творимых НКВД. Илья Эренбург писал после смерти Сталина: *«Мы думали, что Сталин не знал о бессмысленном уничтожении коммунистов, советской интеллигенции».*

Основным результатом террора стал поселившийся в стране невероятный, панический страх. Никто, включая заслуженных, знаменитых людей, не мог чувствовать себя в безопасности от ареста, расстрела, пыток. Ни известные деятели науки и культуры; ни администраторы высшего ранга — наркомы, директора, председатели; ни партийные функционеры, ни даже работники НКВД, сами совершавшие аресты и расстрелы. Страх породил эпидемию всеобщего предательства близких, родных, друзей; стукачество; боязнь принятия решений, страх публикаций, вплоть до опасения проникновения опечаток в газеты. Наряду с боязнью совершения полезных для страны дел — изобретений, трудовых и культурных достижений — появилась иллюзия безнаказанности воровства, присвоения чужих трудов, например, защиты диссертаций по материалам репрессированных «врагов народа». Разгулялась извечная российская болезнь подсиживания более успешных, способных и продвинутых сотрудников, а при необходимости — уничтожение их доносом в НКВД.

Однако на фоне всеобщего подспудного страха на поверхности общественной жизни демонстрировалась видимость благополучия, трудового подъема, верности коммунистическим идеалам и лично великому вождю. На экраны кинотеатров вышли веселые комедии: «Цирк», «Волга-Волга», «Сердца четырех», «Веселые ребята». Летчиками и путешественниками совершались подвиги — вспомним Чкалова, эпопею «Челюскина».

Разумеется, атмосфера страха снижала эффективность работы промышленности и строительства. Но одно ведомство трудилось, не покладая рук, наращивая все виды «производства», — НКВД. Оно не только перевыполняло планы по арестам и расстрелам, но и стало самым производительным в государстве предприятием по освоению удаленных, богом забытых регионов страны. Руками заключенных — рабов, полуголодных, полураздетых, забитых и обездоленных людей — делалось все в стране. Заключенные добывали золото на Колыме, уголь в Кузбассе, медь, никель и платину в Норильске, строили железные дороги, заводы, разрабатывали новые технологии, проектировали самолеты в «шарашках». Рабский труд оказался настолько дешевым, что смог обеспечить реальную индустриализацию страны. И это несмотря на то, что попутно воплощались проекты типа Беломорско-Балтийского канала имени Сталина, Салехардской железной дороги; стройки, усеянные трупами. «Трудовые армии», придуманные на заре революции Троцким, стали основой индустриализации при Сталине. Были созданы эффективные методы

организации труда заключенных: смешение уголовников с политическими, «бригадный» подряд, при котором пища и льготы выдавались всей бригаде по результатам труда, и сами члены бригады подгоняли (или убивали) нерадивых, стараясь получить лишнюю «пайку» хлеба.

Сталин добился выполнения поставленной цели. Он ликвидировал старое поколение революционеров и интеллигенции. Росла новая советская элита — молодая, напористая, преданная лично Сталину. Однако новое поколение подготовленных сталинцев было неопытным, запуганным годами репрессий, боялось брать на себя ответственность, проявить инициативу. Ни одна эпидемия, землетрясение, нашествие не принесли столько горя, сколько эти репрессии. И нужно честно сказать, что виновных во всем этом было двое: Иосиф Сталин и советский народ. Но это не помешало Сталину заявить, что Советский Союз стал намного сильнее, а советский народ в результате проведения индустриализации, коллективизации, социальных преобразований и других реформ может отразить любую агрессию.

«Преступления пострадавшей тогда «старой гвардии», когда это открылось, оказались не менее впечатляющими, чем сталинские. Именно она столкнула Россию в пропасть. И за воцарение Сталина несет ответственность тоже она... Победа Сталина над Бухариным и Троцким во внутривнутрипартийной борьбе была для России наиболее страшным ее исходом... Думаю, в случае их победы система погибла бы, а Россия уцелела. Победа Сталина спасла систему, но погубила Россию». (Наум Коржавин).

Технология террора

Если дело не клеится, его можно пришить.

Из анекдота

Система политического контроля, сложившаяся еще в 1918—1919 гг., имела в своем распоряжении Агитпроп, ОГПУ, лагеря. Компромиссное соглашение с эсерами предполагало ликвидацию ВЧК и свободу печати. Но если второе условие поначалу пытались выполнить, считая закрытие небольшевистских газет временным, то ВЧК осталась и развивалась. Конституция СССР, принятая через два года после убийства Кирова, исполнялась формально. Она сняла некоторые «классовые» ограничения, установленные предыдущими конституциями, создала стройную иерархию органов представительной и исполнительной властей. Но о карательных органах, которые в жизни народа играли ведущую роль, в конституции ничего не говорилось...

Подозрения Сталина распространялись и на ОГПУ. Его первый начальник, Дзержинский, привил службе безопасности фанатичную преданность партии. Но Сталин не был уверен в офицерах и рядовых членах ОГПУ, в том, что они будут выполнять его волю. Ежов, как член комиссии по чистке партии, а позднее Оргбюро, имел доступ к секретным досье всех членов партии, включая и работников ОГПУ. Сведения, которыми он располагал, позволили ему сыграть роль надежного агента Сталина, а затем стать главой сил безопасности вместо Ягоды.

Первой ласточкой в разработке методологии Большого террора стало «Шахтинское дело». Оно было «заварено» 10 марта 1928 в городе Шахты прибывшим на Северный Кавказ чекистом Ефимом Евдокимовым, который доложил главе ГПУ Менжинскому о контрреволюционном заговоре технических специалистов, якобы работавших на иностранные разведки. Глава ГПУ не поверил доносу, поскольку у Евдокимова не было никаких доказательств, но доложил Сталину. Сталин заинтересовался, приказал произвести аресты и начать следствие.

Евдокимов был опытным чекистом. Еще в 1919 он руководил арестами и следствием по делу штаба Добровольческой армии, применял «методы физического воздействия» с последующим расстрелом всех арестованных. По Шахтинскому делу было арестовано 55 инженеров, в том числе семь немецких. Отступить было некуда — Евдокимову пришлось доказывать их виновность любыми методами. Кроме пыток использовали моральные методы воздействия — жертвам объяснили, что их признания необходимы для борьбы с контрреволюцией, а им сохранят жизнь. Один из подследственных под пытками сошел с ума, а 10 согласился признать обвинения и обвинить товарищей.

Но первый политический процесс был срежиссирован слабо. Ряд обвиняемых заявили во время суда, что их жестоко избивали следователи, и отказались от показаний. В результате доказать ничего не удалось, даже специально подобранная публика в зале суда явно стала на сторону обвиняемых. Тем не менее, смертные приговоры были вынесены. Это стало началом борьбы с «экономической контрреволюцией», в ходе которой к апрелю 1931 из 30 000 работавших в СССР инженеров было арестовано семь тысяч.

Прокурором выступил Николай Крыленко. Крыленко был членом РСДРП с 1904, активный участник Октябрьской революции, в 1917 нарком по военным и морским делам, в течение нескольких месяцев Верховный главнокомандующий, расстрелявший прежнего Верховного царской армии — генерала Н. И. Духонина. Далее карьера Крыленко как члена Ревтрибунала складывалась успешно — вплоть до наркома юстиции РСФСР с 1931 и СССР с 1936. Он был разносторонним человеком: руководил туризмом, шахматно-шашечной ассоциацией СССР, экспедициями на Памир. Как юрист и прокурор был способен на все: это он обосновал «революционную необходимость» репрессий по политическим причинам, смертную казнь, физическое уничтожение классовых врагов и личное признание обвиняемого как доказательство его вины. В 1938 Крыленко стал жертвой своих юридических законов — расстрелян как «враг народа» в июле 1938. Евдокимов арестован в декабре 1938 и расстрелян в 1940.

Убийство Кирова явилось важным звеном в нагнетании террора, того главного оружия, которое, в конечном счете, привело к узурпации Сталиным всей власти в стране. Органы НКВД развернули бешеную активность, разоблачая всевозможные антисоветские «заговоры» и вылавливая «заговорщиков». В течение 1936 года НКВД был подчинен Политбюро, а фактически только самому Сталину. С членами Политбюро Сталин совсем перестал считаться, не собирал для совещаний и постоянно их терроризировал. Единственное, что от них требовалось неукоснительно, так это подписывать постановления об арестах и приговорах. Бандитский принцип «повязать кровью», а отказавшихся убить, неукоснительно соблюдался в той шайке, где Сталин был паханом. На расстрел членов ЦК и

ответственных партийных работников НКВД все же требовалось согласие Политбюро, но и в этом случае слово Сталина было решающим. Они знали, что все свершится и без их согласия, а поэтому подписывали. В частности, в этом ритуале участвовали и те, участь которых была предрешена, и которые попадали в следующий список жертв. Отметим, что вакханалия казней в этом случае сходна с Великой Французской революцией 1793 года, последовательно приведшей на гильотину своих вождей, начиная с Робеспьера.

Организация Большого террора началась с привлечения к нему ближайших партийных сатрапов Сталина и реорганизации ОГПУ. На расстрельных списках всегда стоят подписи Молотова и других членов ЦК. Карьера начиналась, как правило, при условии безоговорочного послушания Сталину, признания его главенства, должностного и морального превосходства. В остальном это были люди невероятной трудоспособности, активности и беспринципности — все во имя Хозяина.

Недаром, например, Молотова Сталин прозвал «каменная жопа». Каганович показал себя хорошим организатором при строительстве Днепрогэса, человеком, который может добиваться результатов любыми методами. Он получил назначение в Наркомат путей сообщения. Внимание Кагановича привлек Никита Хрущев, в котором он отметил энергию и готовность использовать самые жесткие методы. В 30-е годы Каганович отвечал за реконструкцию Москвы, включая строительство метро, в чем был очень заинтересован Сталин, решивший, что Москва должна обойти Ленинград и стать современной столицей. Хрущев вошел в число доверенных лиц Сталина, и в 1933 был назначен заместителем Кагановича в московской партийной организации. Еще двое молодых людей заняли ключевые посты: Георгий Маленков и Лаврентий Берия, руководящий сотрудник НКВД, занимавший пост первого секретаря партии в Закавказье.

В кампании по уничтожению существующей и потенциальной оппозиции центральную роль играл А. Н. Поскребышев, ставший личным секретарем Сталина в 1931 году. Круг обязанностей его не был известен, но занимался он всеми делами, в частности поддерживал тесную связь с органами НКВД. Отличался невероятной трудоспособностью, работая по 16 часов в сутки. Он преданно служил Сталину всю свою жизнь, несмотря на то, что Сталин бил его и расстрелял его жену — дальнюю родственницу Троцкого. В ноябре 1952-го Берия, наконец, уговорил Сталина убрать Поскребышева из Кремля. Но в 30-х Сталин еще полностью доверял ему. Говорили, что у Поскребышева хранилась печать с подписью Сталина. Он отвечал за создание специального секретного отдела Госбезопасности, в который входили Ежов, Шкирятов и, позднее, Маленков.

Главным обвинителем и официальным действующим лицом на процессах, а также при подготовке списков для арестов, был А. Я. Вышинский. Бывший меньшевик, профессор права, который в 1933 году стал заместителем, а в 1935 году — генеральным прокурором, сыграл особую роль в политических процессах 1936—1938 гг.

10 июля 1934 г приняли решение о слиянии ОГПУ и НКВД, Генрих Ягода возглавил аппарат, впервые в истории России объединивший секретную политическую разведку и уголовную полицию. Хотя убийство С. М. Кирова произошло менее чем через пять месяцев после этого акта, который должен был

укрепить правопорядок в стране, новое ведомство приобрело невиданную власть и силу. Постановление ЦИК и СНК СССР об ускорении расследования дел о террористических организациях и терактах от 1 декабря 1934 г., которое в немалой степени способствовало созданию обстановки террора, принимали в спешке. Его подготовил секретарь ЦИК Авель Енукидзе после телефонного разговора со Сталиным, который готовился к отъезду в Ленинград. Енукидзе вскоре арестовали, и он пал жертвой своего же постановления: выдвинутые против Енукидзе обвинения сфабриковал Ягода. Выслушав обвинения в свой адрес, А. Енукидзе бросил фразу: *«Будь у меня власть Ягоды, я мог бы зачитать здесь и еще более нелепые показания!»*.

НКВД получило неограниченное право применять любые методы допроса, включая и пытки, по отношению к «врагам народа», а также судить и осуждать их заочно особыми «тройками» и даже приводить приговор в исполнение. Адская машина работала без остановки. Все последующие годы Сталин этот аппарат умирал, перекраивал и подчинял себе жесточайшим образом. То же он делал и с другими. Не Молотов, не Каганович, не Жданов, не Маленков, не Берия или Хрущев и иже с ними выпестовали в своей среде Вождя и держали его на своих плечах, а, напротив, он их всех выдвигал и «задвигал» по собственному усмотрению. Все они рабски, даже с любовью, ему служили и смертельно его боялись всю жизнь. Конечно, они, как и подавляющее большинство народа, были рабами — не только социальными, но и духовными — нового Навуходоносора, который их беспощадно эксплуатировал, в любое время мог направить на смерть и мучения, но и духовными.

Шеф НКВД Генрих Ягода — троюродный брат Я. М. Свердлова, член РСДРП с 1907, участник Октябрьской революции. С 1922 работал с Ф. Дзержинским, а после его смерти стал первым заместителем вечно больного руководителя ОГПУ В. Р. Менжинского. По характеристике Л. Д. Троцкого: *«Очень точен, чрезмерно почтителен и совершенно безличен. Худой, с землистым (от туберкулеза) цветом лица, с коротко подстриженными усиками, в военном френче, он производил впечатление усердного ничтожества»*. На самом деле Троцкий ошибался. Ягода организовал строительство Беломорско-Балтийского канала руками заключенных; именно он создал лагерь ГУЛАГа, превратил в огромную промышленную систему использование рабского труда заключенных, в том числе ученых и инженеров. Став наркомом внутренних дел, он вел себя грубо, развязно, матерился на совещаниях. Организация первых судебных процессов — тоже его заслуга. Есть подозрения, что он пытался организовать переворот и захватить власть в стране. Так это или нет, но в сентябре 1936-го Ягода и 13 начальников главных управлений НКВД арестованы и расстреляны.

Вначале Сталин поставил своего человека — Ежова, который возглавил комиссию партконтроля вместо Кагановича, контролировать НКВД. Действия Сталина вызвали крайнюю тревогу у Ягоды. По словам автора книги «Тайная история сталинских преступлений» А. Орлова, *«Ягода болезненно воспринимал вмешательство Ежова в дела НКВД и следил за каждым его шагом, надеясь его на чем-либо подловить и, дискредитировав в глазах Сталина, избавиться от его опеки ... По существу, на карту была поставлена карьера Ягоды. Он знал, что*

члены Политбюро ненавидят и боятся его». Противостояние Ежова и Ягоды увенчалось отставкой Ягоды в сентябре 1936 г. и заменой его Ежовым.

Бессмысленность террора в связи с борьбой Сталина за власть 60 лет спустя пытались доказать реабилитаторы Сталина. Надо признать справедливым тот их аргумент, что Сталин и так обладал в 30-х годах неограниченной властью, и поэтому он не нуждался в терроре с этой точки зрения. Объяснение, трактующее террор как способ дать дорогу молодежи, обновить кадры партийных, инженерных и военных деятелей, логично. Только это вряд ли может быть признано разумным.

То, что это была система террора невиданного доселе масштаба, следует из опубликованных в 1992 документов в книге Евгении Альбац «Мина замедленного действия (политический портрет КГБ)». Совершенно секретные приказы, подписанные руководителями этого всемогущего ведомства, заранее, то есть до расследований, допросов, судебных заседаний, расписывали плановое количество кулаков, «врагов народа» с указанием степени их виновности, наказания (расстрел, лагерь, ссылка) по всем республикам, областям, районам, то есть местным управлениям НКВД. В этих планах было четко расписано, в каких областях и в каких деревнях надлежит раскулачить, репрессировать, сослать, уничтожить кулаков. В 1937 появился аналогичный план, четко указывающий по всем областям и весям, сколько человек надлежит расстрелять, сколько отправить в ГУЛАГ, по каким статьям. Во всех этих случаях — в индустриализации, раскулачивании и терроре — цифры плана никоим образом не были привязаны к реальной ситуации, то есть к необходимости производства, количеству кулаков и «врагов народа» в каждом конкретном районе. Планы неукоснительно выполнялись. Более того, некоторые местные управления просили увеличить эти планы, иногда вдвое.

Сталин сохранял самообладание и неуклонно следовал поставленной цели. Он знал, что делал. Он был убежден, что большая часть ликвидированных в принципе виновна. Действовал он с холодной бесчеловечностью. В архивах НКВД найдено около 400 списков с фамилиями более 44 тысяч людей, приговоренных к уничтожению. Личная подпись Сталина стоит на 361 списке на 41 391 человек; Молотова — на 373 списках на 43 569 человек; Жданова — 175 списков на 20 985 человек; Кагановича — 189 на 19 110 человек; Ворошилова — 186 списков на 18 474 человека. Подписи сопровождалась резолюциями, часто матерными. Особенно этим отличался Каганович: *«Эту проститутку, эту блядь, эту гадину расстрелять!»*.

Сталин не изучал дела этих людей, но настаивал, чтобы даже вторичные источники измены были искоренены. Поэтому и семьи, и близких друзей, и ходатаев репрессированных арестовывали и ссылали. В августе 1938 года расстреляны 15 жен «врагов народа» из числа высших партийных руководителей. Не доверием Ягоде, Ежову, а затем Берия объясняется легкость, с которой оставлял Сталин автографы на приговорах. Нередко он сопровождал списки или письма приговоренных к казни грубыми и жестокими комментариями. Сталин порой бесчувственно, а порой сладострастно обрекал некогда близких ему товарищей на смерть и мучения.

Как же нужно было растлить, запугать «внутренней» репрессией, развратить работников ЧК передачей им квартир, ценностей репрессированных, карьерой за «успехи» в терроре, чтобы эта махина репрессий так споро и беспрепятственно

раскручивалась?! Вакханалия террора дошла до того, что помощники Ежова, по пьянке, не читая, ставили знаки «Р» (расстрелять) на делах арестованных. Существовало даже социалистическое соревнование между отделами НКВД — кто больше политических дел заведет. Забегая вперед, заметим, что именно это растление коснулось народа всей Страны Советов и явилось главным, долговременным, самым страшным следствием сталинского террора.

За 15 лет работы «Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий» под председательством А. Н. Яковлева реабилитировано 4,5 млн. человек, не считая сосланных «малых народов» — чеченцев, крымских татар, калмыков, балкарцев и других. И конца не видно. Есть обвинения самые невероятные: конюх, разгласивший норму заготовки сена на лошадь, (по этому японцы могли рассчитать количество лошадей для Красной Армии), завхоз, снявший с сельсовета вылинявший красный флаг...

Были трудности и у следователей. Когда арестовали адвоката П. Н. Малянтовича, у него обнаружили охранную грамоту, подписанную лично Лениным. Оказывается, Малянтович по просьбе Горького защищал Петра Заломова — прототипа героя романа «Мать», затем в 1906 году выиграл дело о наследстве в 100 000 рублей, завещанном промышленником Саввой Морозовым большевикам, и передал деньги Красину. Грамота Ленина не помогла — по законам НКВД попавшего в их лапы человека не могли оправдать: Малянтовича расстреляли в день смерти Ленина, 22 января 1940 года.

Метод провокаций, по которому человека уговаривали «возглавить» шпионский центр, «разоблачить» его участников на суде под обещание свободы и карьеры, все равно заканчивался расстрелом несчастного провокатора, вне зависимости от того, соглашался он на эту роль или нет. Мясорубка работала безостановочно. В 1938 году арестовано 42 000 следователей НКВД; большинство их расстреляно. Арестовано около 300 000 священников, даже во время войны арестовывали до 1000 священников в год, несмотря на попытку привлечь религию на поддержку борьбы с фашизмом. Сегодня продолжается реабилитация бывших кулаков, а также брошенных в лагеря военнопленных советских солдат. Их уже нет в живых, но их дети и внуки, права которых урезали, продолжают требовать реабилитации. Даже наследники Ежова и Берия требуют их реабилитации, поскольку и их осудили по вымышленным делам. Формально детки правы, хотя у этих осужденных руки по локоть в крови. И еще много разных необъяснимых парадоксов породила сталинская эпоха.

Ежовщина

В страшные годы ежовщины я провела 17 месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала: — Могу.

*Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому,
что некогда было ее лицом.*

Анна Ахматова. «Реквием». Вместо предисловия.

Ягода на посту наркома внутренних дел не вполне устраивал Сталина. Он никак не мог избавиться от излишнего почитания заслуженных революционеров. Был слишком инициативен: одно из его постановлений — о создании в лагерях специальных судебных отделений, учрежденных без санкции ЦК, — было отменено по настоянию Вышинского, не желавшего выпускать судопроизводство из-под своей опеки. Сталин стремился взять НКВД под контроль. Это поручили Н. И. Ежову, который, будучи секретарем ЦК ВКП(б) и председателем КПК, стал с 1935 г. осуществлять контроль над НКВД. В 1933 году Ежова поставили во главе комиссии по проведению чистки среди членов партии. Чистка продолжалась и во время работы над проектом новой Конституции. В 1936-м Ежова назначили наркомом вместо Ягоды.

До того, как он стал всемогущим наркомом внутренних дел, Ежов производил на окружающих *«впечатление человека нервного, но доброжелательного, внимательного, лишенного чванства и бюрократизма»*. Объясняя неожиданную трансформацию Ежова в «безумного палача», Рой Медведев полагает, что *«Ежов подпал под ... полное, безраздельное, почти гипнотическое влияние»* Сталина.

В считанные месяцы Ежов представил Политбюро устрашающую картину страны, опутанной сетями троцкистских заговоров. Оценки Ежова казались особенно правдоподобными еще и потому, что совпадали с хвастливыми сообщениями Троцкого об успехах троцкистского подполья, которые публиковались в «Бюллетене оппозиции». Вождь Четвертого Интернационала утверждал, что многочисленные ячейки подпольщиков готовы отстранить Сталина от власти «с помощью полицейской операции». Заявляя даже в середине 1937 года, после арестов многих «троцкистов», о том, что в стране сохранилась мощная сеть антисталинского подполья, Троцкий умело возбуждал недоверие к органам безопасности, которые, как следовало из его публикаций, все еще не сумели раскрыть врагов, и тем самым провоцировал новые и новые репрессии.

Чистка, начавшаяся в Ленинграде и Москве, добралась до республиканских и районных парторганизаций. Наиболее жестоко пострадала Украина. Сталин не доверял украинцам. Еще в 1917 году они были союзниками немцев и остались националистами, пытавшимися выйти из-под контроля Москвы. В январе 1938 года Сталин послал Хрущева на Украину — поднять экономику и провести реорганизацию партийных и правительственных органов. И Хрущев, поддержав репрессии, доказал преданность Сталину и в следующем году был избран членом Политбюро.

Террор не ограничился партией большевиков. Десятки тысяч иностранных коммунистов, живших в Советском Союзе, и тысячи политических эмигрантов были казнены, сосланы в лагеря, посажены в тюрьмы. Вопреки логике, в наибольшей степени пострадали те коммунисты, которые приехали из стран с тоталитарными режимами, где коммунистические партии находились на нелегальном положении. В 1937 году в Европе многие режимы носили фашистский или полуфашистский характер, но острей борьбу было направлено не на фашизм, а

на якобы меньшевистское или троцкистское международное коммунистическое движение. За неимением лучших улик, аппарат Ежова готов был рад найти тайного агента из любой страны «капиталистического окружения» или «не разоружившегося классового врага».

После назначения Ежова и ареста ближайших сотрудников Ягоды, в НКВД появилось много новых непрофессиональных людей, готовых слепо доверяться природной интуиции и деливших соседей и коллег на категории: «большой враг», «малый враг», «вражонок». На наиболее ответственных постах в следственных органах НКВД остались циничные и беспощадные провокаторы, стремившиеся воспользоваться создавшейся ситуацией для получения значительных льгот и хорошо оплачиваемой карьеры в органах, такие как Л. Заковский, С. Реденс, М. Фриновский, Г. Люшков и другие. Они активно помогали «раскрывать заговоры», нити которых уводили далеко от Москвы и от здания на Лубянке...

Основным источником информации при подготовке различных дел о заговорах и центрах были доносы. Как доложит через полвека председатель комиссии по реабилитации А. Н. Яковлев, 80 процентов людей погибли по доносам соседей и «товарищей», с удивительным рвением делавших карьеру на репрессиях. Число доносов росло, как снежный ком. Вот некоторые факты.

«...Секретарь Киевского Горкома КП(б)У Кудрявцев на партийных собраниях неизменно обращался к выступавшим коммунистам с провокационным вопросом: "А вы написали хоть на кого-нибудь заявление?" В результате этой провокации в Киеве были поданы политически компрометирующие заявления на половину членов городской парторганизации...»

«...В Куйбышевской области один из райкомов партии исключил из партии и объявил врагами народа 50 человек из общего количества 210 коммунистов парторганизации, в то время, как в отношении 43 из этих исключенных органы НКВД не нашли никаких оснований для арестов».

Деятельность НКВД получала всемерную поддержку со стороны партийных руководителей, разоблачавших все новых «троцкистов». Уже к концу 1935 г. первый секретарь МГК Хрущев рапортовал о разоблачении 10 тысяч «троцкистов» в Москве. Оказавшись на Украине, Хрущев в считанные месяцы выявил десятки тысяч «троцкистов» и «буржуазных националистов». О подобных победах над троцкизмом рапортовали из всех областей и республик.

Аресты проводились глубокой ночью и все учащались. Арестованных обвиняли в том, что они члены какой-либо фантастической организации, участники заговора с целью покушения на жизнь Сталина и других советских вождей; что они вредители, которые хотят уничтожить завод, фабрику, электростанцию. Многих членов партии обвиняли в скрытом троцкизме; таких почти всегда расстреливали.

Но остальная страна жила нормальной трудовой жизнью. На парадах и демонстрациях пели веселые песни. Выходили на экраны кинокомедии.

«Ежовщина» продлилась до 1938 года. Старые офицеры госбезопасности, начавшие службу в ЧК еще при Дзержинском, были арестованы или уволены. По стране прокатилась кампания борьбы со шпионами. Забитые пропагандой, боящиеся за свою жизнь люди называли имена соседей, коллег и даже членов семей, обвиняя их во всех смертных грехах. В НКВД выстраивались очереди, и

люди терпеливо ждали, когда они смогут оформить донос. Террор разрушил нацию, привел ее к деградации.

Сталин, конечно, знал, что среди репрессированных много невинных. Но, по его мнению, это неизбежные жертвы кампании такого масштаба: «лес рубят — щепки летят». Террор был направлен не только против коммунистов. Вместе с ними миллионы беспартийных служащих и рабочих тоже арестовывали и ссылали в концлагеря, пополняя их даровой рабочей силой.

В конце октября 1937 года советские граждане прочли в газетах, что Ежов назначается наркомом Почт и телеграфа, а начальником НКВД назначается Берия. Через две недели Ежов исчез бесследно и навсегда. Его вместе с несколькими помощниками расстреляли. Мавр сделал свое дело.

«Добрый» палач

А может это не свеча?

Горела люстра.

Очки на морде палача

Сверкали шустро.

А. Галич. «Памяти Пастернака»

Осознание того, что масштабы деятельности НКВД начали превышать разумные пределы, что за несколько лет арестовано свыше трех процентов населения страны, то есть «во враги» записана почти каждая 15-я семья, привело к необходимости сдерживать ретивость «ежовых рукавиц» и разоблачить некоторые «перегибы». На январском пленуме 1938 г. принято постановление ЦК об ошибках партийных организаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом подходе к обращениям исключенных членов ВКП(б) и о мерах по устранению недостатков. Фарисейское постановление гласило: *«Среди коммунистов существуют, еще не вскрыты и не разоблачены отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии»*. Тем не менее, запущенный маховик репрессий продолжал крутиться — вплоть до отстранения Ежова в конце 1938 г. от обязанностей наркома внутренних дел.

Затем волна массовых репрессий пошла на спад. Началась реабилитация пострадавших членов партии. «Великая чистка» прекратилась в июле 1938 года после назначения Л. Берия замом Ежова. Вскоре Ежова расстреляли, многих офицеров НКВД осудили и казнили за выбивание признаний у невинных; многих отправили в те же исправительно-трудовые лагеря. Преданные члены партии, пережившие страшный кошмар террора, облегченно вздохнули. Как обычно, Сталин все списал на врагов — в данном случае, в лице Ежова, который подрывал авторитет партии. Официально объяснили, что фашистам удалось незаметно проникнуть в органы безопасности, и вот они-то и несут ответственность за казни «ежовщины». Сталин — главный организатор террора — как всегда, оказался ни при чем. Во время беседы с авиаконструктором Яковлевым в 1940 году Сталин

сказал: «Ежов был крысой, в 1938 году он убил много невинных людей. За это мы его и расстреляли».

Новый нарком внутренних дел Л. П. Берия освободил незначительную часть лиц, арестованных по вздорным обвинениям. Многие пришли к выводу, что уж теперь-то справедливость восторжествовала. На самом же деле прошло еще полтора десятка лет, прежде чем оставшихся в живых людей, ставших жертвами обвинений, выдвинутых при Ягоде и Ежове, а также жертвами новых несправедливостей при Берия, освободили или посмертно реабилитировали. Берия долгое время был наиболее близок к Сталину, возможно потому, что был, как и Сталин, грузином, возможно потому, что по бандитской сущности, бессовестности и бесчеловечности был, по существу, его полным аналогом, понимал его как никто и умел играть на всех струнах характера Сталина. Сталин иногда даже позволял себе разговаривать с Берия по-грузински в присутствии других членов Политбюро.

Лаврентий Берия вступил в партию в 1917 г. (по неподтвержденным данным). В 1919 поступил на службу мусаватистской контрразведки — Бакинского филиала английской разведки (как в 1937 году свидетельствовал Микоян, якобы по заданию большевиков). На службу в ЧК он поступил в 1921 г., служил в Азербайджане и в Грузии. В 1931—1938 гг. Берия назначен первым секретарем Закавказского крайкома партии, потом — первым секретарем ЦК КП(б) Грузии и Тбилисского горкома партии. Был женат на Нине Гегечкори, племяннице Ноя Жордания, бывшего министра иностранных дел грузинского меньшевистского правительства.

Сближение со Сталиным началось после выхода книги Берия «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья», где роль Сталина раздута до невероятных размеров. В 1933 году на отдыхавшего в Абхазии Сталина якобы совершено покушение, и Берия закрыл его своим телом. Покушавшийся был убит на месте. Никто никогда уже не узнает, кем на самом деле организованы и это покушение, и это доказательство беззаветной верности Сталину. Берия, судя по его характеру, был вполне способен на подобную имитацию.

В досье, имевшемся на всех членов Политбюро, Берия имел кличку «Сексуальный маньяк в галошах», поскольку имел связи с сотнями женщин, которых для него специально отлавливали на улицах; большей частью они охотно встречались с ним повторно. Галоши носил, опасаясь простуды, но болел только сифилисом.

В период большого террора Берия, еще до назначения заместителем наркома НКВД, был одним из наиболее усердных исполнителей сталинских установок по борьбе с врагами народа. В 1937 г. впервые обозначилось сотрудничество первого секретаря ЦК компартии Грузии и сотрудника Орграспредотдела ЦК ВКП(б) Маленкова. Они вместе оставили кровавый след в Ереване, вместе участвовали в допросах и пытках. В 1938 г. Маленков стал начальником управления кадрами ЦК ВКП(б), а Берия назначен на должность первого заместителя наркома внутренних дел. 25 ноября 1938 г. он стал наркомом внутренних дел СССР и сохранил за собой этот пост до конца 1945 г.

В феврале 1941 г. Л. П. Берия по совместительству назначен заместителем председателя СНК СССР, где ему поручили курировать работу НКВД, а также наркоматов госбезопасности, лесной промышленности, цветных металлов, нефтяной промышленности и речного флота. Он направил даровую рабочую силу

на развитие этих ключевых отраслей тяжелой промышленности. С началом войны Берия вошел в состав Государственного Комитета Оборона (ГКО) СССР. Ему поручили контроль над производством самолетов и моторов, формированием ВВС, а затем — за производством вооружения, минометов, боеприпасов, танков, а также наблюдение за работой наркоматов нефтяной, угольной промышленности, путей сообщения. Он оказался способным и жестким организатором, был награжден званием Героя Социалистического Труда «за особые заслуги в производстве вооружения и боеприпасов», а в июле 1945 г. Берия присвоено военное звание Маршал Советского Союза.

Главная роль Берия в государстве состояла в нагнетании страха. Подчиненные ему (как заместителю Председателя Совмина СССР) ведомства были способны контролировать жизнь практически каждого человека, превратить в «лагерную пыль» (термин самого Берия) любого человека в СССР вне зависимости от должности и положения. *«Без Берия буквально ничего уже нельзя было решить, — писал в мемуарах Хрущев. — Даже Сталину почти ничего нельзя было доложить, не заручившись поддержкой Берия. Все равно Берия, если станешь докладывать при нем, обязательно любое твоё дело обставит вопросами и контрвопросами, дискредитирует в глазах Сталина и провалит».* Кроме Берия правом прямого доклада обладали Абакумов — министр госбезопасности, и Маленков, а также давний сослуживец Берия, получивший портфель министра госконтроля, Меркулов.